

ПРОВОДЫ

Городок в три квартала, по торбе на каждом горбу,
чем-то с путником схож, натрудившим в скитаниях ноги,
что, в село на закате войдя, постучался в избу
и стоит на пороге...

И осенней листвы набивается полный карман,
и ложится туман от реки до ближайшей заставы...
Отбывает состав. Приближаются дни ледостава.
Ты глядишь на часы. Я листаю затёртый роман.

Здесь разводят костры,
здесь пригород охрист и ал.
Возникая вдали, станционный гудок-пересмешник,
как беспамятства сон, наступает и бьёт наповал,
и последний обходчик здесь ладит последний своречник.
Здесь босяк суховой по окраинам пегим бежит
и, срывая бельё, за околицу волоком тащит.
Здесь, врезаясь нахрапом в соломенные рубежи,
полуночный экспресс воспалённые бельма таращит.

Захолустьем зовутся тот выезд и эта гряда
городских тополей, отороченных ряской заката...
Не прощайся, не смей! – нам одна и звезда и беда
в этих парках пустых, нас с тобой приютивших когда-то.
Не прощайся, не лги! Нам от рода на тёмном роду
чьей-то волей дурной предначертано стать у дороги,
на исходе времён задыхаясь в тоске и бреду
и встречая в лицо похоронные чёрные дроги.

Не стремленьем твоим, но свинцовым томленьем моим
обретает округа подобие лика и зора.
Лишь ступи за порог – и навеки опустится дым,
и качнётся у ног крестовидная тень семафора.
Что там зреет в тумане? Что тлеет? Дорожной сумой
сиротливое сердце под ношей своей тяжелеет
и, лелея обиду, свой ход оборвать не умеет,
и немеют уста, что разомкнуты страстью самой...

Как репей на пути, обречённый принять без остатка
всё, что гневный чугун выговаривает по слогам,
я стою на перроне. Один. Объявляют посадку.
Затопив окоём, подбирается полночь к ногам.
Так гляди же, сверчок, приживальщик, нахлебник, иуда,
как темнеет ограда узор остывающий и
за вагоном вагон исчезает во мраке, покуда
жизнь теряет разбег и ложится на плечи твои.

Снова заморозки. Снова
проворочался во сне,
и дрожит, как от озноба,
белый тюль в моём окне.

Белый клён в двойной оправе
ветхой рамы, бедный клён
сам себе теперь не равен
и коленопреклонён.

Выйди в город. Помнишь, в детстве
вы (тебе четвёртый год)
лили слёзы по соседству?
– Что случилось?
– Снег идёт...

Снег идёт. Ребёнок плачет
где-то в дальнем далеке.
Этот мир ещё не начат
и лежит в черновике –

и под куполом кленовым,
будто заново творим,
вкось и накось разлинован
белым грифелем твоим.

Осядет дом, падёт ограда,
зачахнет яблоня в саду,
сухой воланчик шелкопряда
я в волосах твоих найду.

И станет ясно, меж речами,
что жизнь прошла, что много лет
мы делим здесь одни печали,
одни глаза глядят нам вслед.

И те глаза до сумасбродства
таким сиянием полны,
что все картины неустройства
для нас значенья лишены.

В денёк какой-нибудь погожий
придёт на ум в канун зимы,
что этой радости, похоже,
ничем не заслужили мы.

Что средь тоски и мироедства,
которым мучима страна,
нам эта нежность, как в наследство,
передана. Передана

вот эта тихая отрада,
тех дней медлительный финал,
когда живого шелкопряда
я с головы твоей снимал.

Когда спустя два дня на третий
лежала родина в дыму,
и образ твой, как в лазарете,
неявен был сквозь полутьму
минувших бурь, сквозь мрак столетий,
сквозь то, что зреть не вмоготу,
но рос наш дом, как мышь в подклети,
и проявлялся на свету.

ИЗ «ГРОЗНЕНСКОЙ ТЕТРАДИ»

Памяти Светланы Серковой, моей одноклассницы, в декабре 2000 года в возрасте 19 лет погибшей от пуль чеченских боевиков, обстрелявших санитарную машину с ранеными, которых она сопровождала в госпиталь г. Урус-Мартана, где трудилась медицинской сестрой.

1

РАССКАЗ РАЗВЕДЧИКА

В Ми-8 над Кавказом летим в зенит.
Тут, судя по рассказам, стволы зениток
ржавеют в каждой рощице, к земле припав,
и Терека полощется пустой рукав.

Из реющей утробы мы, рискуя чуть
незнаемыми тропами в тот мир впорхнуть,
где ни родной обители, ни прошлых лет,
взираем, небожители, на белый свет.

Весь день за разговорами о том о сём,
нависнув над приборами, вдруг невесом,
ничей не друг, не суженый, глядишь вперёд,
а там за Терским Сунженский хребет встаёт.

Вдали Аргун куражится, до дна прогреет.
Кавказ внизу! И кажется, со школьных лет,
с уроков чтения, с разного заочно с ним
судьба моя завязана узлом одним...

Есть повод в опоздании для пары строк,
но, выполнив задание, садимся в срок.
Дорожный день кончается, строчит сверчок.
Идёт боец, качается, смолит бычок.

Закусывают юшкою за другом друг,
описывают кружкою за кругом круг.
Затверженный, неведомый, о Терек, пью
коньяк твой и наследую судьбу свою!..

Рассеян по окрестности полдневный жар.
Лежит боец, как если бы всегда лежал.
Лежит боец – так, словно бы покой и мир.
Сигналами условными забит эфир.

О ягоды дичающей над головой
слеза! О клёкот лающий и горловой,
несомый над равниною и в снег, и в зной
весёлой и ревнивою речной волной!

Всеобщим вашим баловнем мне не бывать.
Развейтесь сном опаловым – я горевать
не стану по Кавказу, но да будет вновь
одним с ним миром мазана моя любовь!..

Богатая фугасками на чёрный день,
нисходит над Кавказскими горами тень.
И не взглянуть без робости туда, где слит
с пространством, как над пропастью, орёл парит.

2

В том курмыше,
в той заповедной вотчине,
в том логове за каменной стеной,
где шесть хребтов, как шесть флотов, воочию
предстали в первый раз передо мной;

в урочище, где сунженской проточной
воды гортанна речь и коренной
жилец вершин во области заочны
стремил крыло;

в той местности дрянной,
где эхо выстрелов, до выстрелов охочее,
клял муэдзин, кладя поклон земной,
где бредили наёмные рабочие
войны и мира
миром и войной, –

предшественники, сверстники, воители,
в предсмертном ужасе глядевшие с брони,
как кровь в ушах, ваш голос отрезвительный
звучал настойчиво, разборчиво в те дни!

Ещё подростки – мученики, ратники,
бомбометатели и жертвы гекатомб,
простите ль нам попойки наши, праздники,
благополучие, здоровье и апломб?

И прочее, и прочее, и прочее,
в чём нет вины, но это утай...
Грядут в ночи, немую плоть ворочая,
солдаты, собеседники мои.

Забвенья нет. Есть опростанье духа.
О современники в плену своих истом,
душа моя внимает вам вполуха,
как витязь под ракиновым кустом.

Он пал в бою, но он ещё не умер,
и всё его земное существо
в слабеющем улавливает шуме
уж голос, окликающий его.

И он парит над миром и державой,
пресветлым сном так странно окрылён,
навстречу Воинству, оваянному славой,
его сиянием, как жаром, опалён.

3

ДЕРЕВО НА СКАЛЕ

Лишь низринется туча, червива и зла,
надвигается следом другая,
из объятого прахом немого узла
по гробу на ходу изрыгая.
Низвергается ветер с орлиных высот
и крылом, голубым в позолоте,
как повинную голову, махом сечёт
голубиную тень на излёте.

Я сплетенье узлов. Я не ведаю слов,
я роняю угрюмые листья
между бурых, исхлётанных влагой стволов
в горном воздухе кровопролиться.
Был и я шестикрыл, но стою шестипал
накануне жестокой развязки,
а во тьме надо мною уже проступал
лик воителя в каменной маске.

Не забыть мне, как голосом тёмной воды,
опалённым лицом бересклета
говорили со мной наслоенья руды
и дерюжная мгла без просвета:
– Эти скалы расплавленной магмой полны.
Эту ночь прошивают кометы.
Эти зори высот и грома глубины
лишь иных измерений приметы.

Что ты стелешься тут на спине валуна,
как червлёная ржа на полуде?
Вон, гляди: покатила по небу луна
головой на серебряном блюде.
Здесь иные начала вступают в права,
и песчаник судьбу коротает.
Здесь огромная птица, как чья-то вдова,
над тобой безутешно рыдает.

4

Так, должно быть, едут на войну:
сеет дождь, и лязгают колёса,
тяжкий гул чугунного колосса
над рябой и чёрной гладью плёса
гонит эха встречную волну.

В заливных лугах, как в старину,
ряд за рядом клонятся колосья.
Как со дна глубокого колодца,
из окна взираешь на страну.

...Я, должно быть, чувствую вину,
я, должно быть, с совестью в раздоре,
раз на жёлтом глиняном просторе
сеет дождь, куда я ни взгляну.

Нам скорбеть, должно быть, не с руки —
все падём: вы — в том, мы — в этом веке,
но невольно вздрагивают веки,
лишь повеет холодом с реки.

Нам ведь тоже боязно в окно
бросить взгляд и выглянуть наружу:
чёрным дымом мир заволокло,
рвётся дней льняное волокно.
Нас ведь тоже призовут к оружию
и мобилизуют на войну...

Я, должно быть, чувствую вину.
Я, должно быть, чувствую вину...

...Приснятся сад и дом в саду,
аллея через сад
и то, как я по ней пройду,
минуя сто засад.

Ты выйдешь робко, как по льду...
Среди своих насад
мы будем рыб удить в пруду
и подновлять фасад...

Я отведу от нас беду,
превозмогу весь ад,
лишь бы остаться в том саду,
где яблоки висят,
где вдруг глаза, под стать плоду,
нальются и грозят
слезами брызнуть на ходу,

где нас не воскресят,
лишь стены ужасом в бреду
однажды просквозят:
мы пали в марь и лебеду
мгновение назад...